

Марко Клементи

Сесиль Вессье. За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с. ISBN 978-5-4448-0268-7.

Marco Clementi. Address for correspondence: c/o Bersellini, via Amatore Sciesa 5, 20135, Milan, Italy. marcoclementi@hotmail.com.

История русского инакомыслия – это история несовместимости мировоззрений интеллигенции и власти. Именно об этом говорил поэт Иосиф Бродский в Нобелевской лекции по литературе в 1987 году: «...если искусство чему-то и учит (и художника – в первую голову), то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней – и наиболее буквальной – формой частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности – превращая его из общественного животного в личность» (Бродский 1987). По этой причине литература и искусство тоталитарных режимов могли существовать исключительно в рамках жестких идеологических схем.

В первые годы советской власти интеллектуалы симпатизировали новому общественному устройству, созданному большевиками, так как оно открывало перед ними неизведанные пути развития (об этом, например, пишет Милан Кундера в романе «Жизнь не здесь»). Художники и писатели рассматривали революцию как средство социального равенства и культурного возрождения общества. Эти чувства, однако, постепенно гасли и окончательно исчезли под ударами Большого террора. После смерти Иосифа Сталина многие из них верили в возможность либерализации советского общества, но однопартийная система, позволившая преобразовать аграрную Россию в индустриальную державу и подготовившая (хотя и ценой масштабных репрессий) страну к войне, в мирное время становилась тормозом для дальнейшего развития общества.

Неразрешимое противоречие между диссидентами и властью длилось до самого распада СССР. Однако даже после этого инакомыслие в России не победило. Диссиденты оказались не в состоянии найти конкретных решений для текущих политических проблем и перейти от деклараций к делу. За малым исключением, они не сыграли видной роли в постсоветской политической жизни страны.

Обо всем этом и о многом другом говорится в книге Сесили Вессье «За вашу и нашу свободу», опубликованной в Москве в 2015 году. Стиль оригинала и перевода достойны похвалы. Это исследование, в котором представлен компетентный анализ вех истории советского инакомыслия. Несколько смущают названия глав, весьма неясно указывающие на содержание и напоминающие скорее эпитафии: «Вашим голосом заговорила сама немота»; «Трус не играет в хоккей»; «Не из правого и не из левого лагеря. Из концлагеря»; «За успех нашего безнадежного дела!»; «Король-то голый» и «Не верь, не бойся, не проси». Имея в виду большой объем книги, многие читатели, вероятно, предпочли бы сразу понять, о чем идет

речь в каждой из глав. В приложение книги включена справочная информация о главных печатных изданиях, основных группах и конкретных лицах диссидентского мира. Заключительная часть – хроника событий, которая начинается с секретного доклада Никиты Хрущёва на XX съезде партии в 1956-м году и заканчивается вручением Нобелевской премии по литературе Иосифу Бродскому в октябре 1987 года.

Автор привлекает обширную библиографию по теме и анализирует большое количество источников, хотя было бы бесполезно посмотреть фонды Российского государственного исторического архива и бывшего архива КПСС (ныне Российский государственный архив новейшей истории), поскольку хранящиеся там материалы помогли бы читателю лучше представить особенности восприятия инакомыслия властью и обществом, прояснить механизмы борьбы с диссидентами и специфику контроля за ними. Несомненным достоинством книги является использование интервью, собранных автором у диссидентов в конце 1990-х годов в Москве, Париже и других городах Европы. Вещье не ограничивается цитированием этих материалов, она оставляет за собой право их интерпретации, тем самым сохраняя необходимое для исследователя пространство, позволяющее избегать тенденциозности при работе с темой. Эта дистанция – весьма чувствительный вопрос в изучении советского диссидентства, тем более, что история инакомыслия в России традиционно описывалась самими инакомыслящими. Именно они создавали научно-информационные центры и архивы по этой теме. Поэтому, например, одна из немногих написанных по-русски работ принадлежит перу Людмилы Алексеевой, главы Московско-Хельсинской группы (Алексеева 1992). В основном же история советского инакомыслия привлекала внимание скорее зарубежных историков, чем российских. Помимо книги Вессье упомяну свою работу (Clementi 2007) и книгу Бернадет Моран «L'URSS des profondeurs» (Morand 1978).

Книга Вессье – это перевод с французского (название в оригинале «Pour votre liberté et pour la nôtre», впервые опубликована в Париже в 1999 году), содержащий некоторые изменения и дополнения, что естественно спустя 15 лет после первого выхода книги. В числе наиболее заметных перемен этого издания – изменение подзаголовка. В парижском издании 1999 года был подзаголовок «Le combat des dissident de Russie» («Борьба русских диссидентов»); в московском – 2015 года – он изменен на «Диссидентское движение в России». Чем это вызвано? Поскольку автор и переводчик нам об этом прямо ничего не говорят, предположу, что таким образом автор сместил акцент с людей (русских диссидентов) на местоположение – Россию. Вещье как бы предлагает читателю провести параллели для сравнения между путинской Россией и Россией 1990-х годов. Эта же мысль подчеркивается автором и во введении. В СССР диссидентское движение никогда не было слишком популярным, как и идея борьбы за гражданские права. В постсоветской России ситуация кардинально не изменилась. Вещье подчеркивает, что Россия не испытала настоящего разрыва с советским прошлым. И хотя в эти годы политическая оппозиция вышла из подполья и много сделала для развития гражданского общества, война в Чечне стала препятствием для наметившегося сдвига. Поэтому, как и в советское время, в современной России есть жертвы по-

литического режима: Анна Политковская и Наталья Эстемирова – это только два примера из списка. Конечно, как полагает Вессье, так называемая суверенная демократия Путина – это не образец свободного общества, однако причины трансформации российского политического режима, на мой взгляд, связаны не столько с личностью российского президента, сколько с геополитической обстановкой, отношениями с бывшими советскими республиками и слабостью политической оппозиции.

Сравнивая книгу Вессье с «Черной книгой коммунизма» – известной монографией о репрессиях в России, вышедшей во Франции в 1997-м году (Courtois and Kauffer 1997), – можно утверждать, что Вессье, несмотря на явные симпатии к диссидентскому движению, все-таки стремится избегать упрощений и предвзятого взгляда на характер советского общества и государства, которыми грешат авторы «Черной книги коммунизма».

Она начинает свой анализ советского диссидентства с размышлений о литературном мире, справедливо полагая, что в 1950-х годах именно этот круг стал отправной точкой раздумья о свободе совести в советском обществе. Судебные процессы над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, равно как публикация и обсуждение «Доктора Живаго» Бориса Пастернака и «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына сформировали фон для осознания в советском обществе гражданской несвободы. Так, после очередного нарушения властями права на свободу слова, советский интеллигент проводил в раздумьях бессонную ночь и наутро решал начать борьбу за справедливость. И, как напоминает Вессье, это решение есть прямой путь к восстанию против тоталитаризма.

Для диссидентства в целом автор использует термин «движение». Однако, по-моему, этот термин требует некоторых уточнений. Общественное движение – это форма объединения людей, имеющих цель изменить реальность. Это происходит в том случае, когда политическая система не в состоянии отвечать на нужды гражданского общества, что создает разрыв между государством и обществом. Социальное движение предлагает проект изменений, но не может существовать без направляющей организации. И тут в определении диссидентства как общественного движения проявляется «смысловая натяжка», так как у советских диссидентов были различные группы, но не существовало общей организации. Нередко выступление или протест были актами строго индивидуальными, никоим образом не связанными с коллективными решениями. Инакомыслие – это путешествие в неизвестность, которое часто заканчивалось вынужденной эмиграцией или отправкой в ГУЛАГ.

Диссидентское сообщество в СССР было разноплановым. Конфликт между Андреем Сахаровым и Александром Солженицыным, который, как об этом справедливо напоминает Вессье, никогда не причислял себя к диссидентам, длился многие годы и в конце концов вызвал появление на излете существования СССР двух противоположных проектов развития общества: конституционный демократический проект Сахарова (Баткин 1990) и консервативную утопию Солженицына (эссе «Жить не по лжи», опубликованное одновременно в «Литературной газете» и «Комсомольской правде» 18 сентября 1990 года). Другой пример – идейные

разногласия Владимира Буковского и Анатолия Марченко. Они оба оппозиционны по отношению к властям, но идеи их были совершенно разными. Один был либералом, другой – почти анархистом.

По мнению Вессье, инакомыслие в СССР в основном предлагало мирные средства протеста, хотя иногда встречалось и насилие, как, например, в «самолетном деле» 1970 года, когда Эдуард Кузнецов и его друзья-«отказники» (люди, получившие отказ в заявлении о разрешении на выезд, то есть на законную эмиграцию в Израиль) попытались угнать самолет и убежать в Швецию. Обычно диссиденты стремились к соблюдению законов и реализации прав, записанных в советской конституции. Тут было бы полезно подчеркнуть проблематичность этой идеи. С одной стороны, советские законы изначально не были справедливы для всех. Они гарантировали свободу слова «в интересах пролетариата», и, конечно, органам госбезопасности было нетрудно доказать, что интересы диссидентов были далеки от чаяний рабочего класса. С другой стороны, проблематичным было понимание закона самими советскими гражданами. Как справедливо написала в 1983 году Ирина Ратушинская, член первого независимого профсоюза («Свободного меж-профессионального объединения трудящихся»), жизнь всех граждан в Советском Союзе «регламентируется не столько законом, сколько секретными инструкциями», и поэтому люди находились в «обстановке бесправия» (Ratušinskaja 1989).

К заслугам советского инакомыслия, пишет далее Вессье, можно отнести разрушение монополии на информацию, долгое время находившуюся в руках КПСС. Как отмечал в своих выступлениях Александр Даниэль: «Диссидентство прежде всего есть работа с информацией, сбор и распространение информации» (Даниэль 1998). «Хроника текущих событий» и другие важные диссидентские издания (а вместе с ними и вся литература советского самиздата в целом) обрели героический ореол именно поэтому. Сегодня самиздат является важной страницей в истории советского общества и, на мой взгляд, основным источником по истории диссидентства. Как пишет Вессье, в самиздате развивалась литература, параллельная официальной, которая воплощала собой иную философию, иную мораль, иную эстетику. С помощью самиздата создавалась «вторая культура», и в ней постепенно стали участвовать не только писатели, но и все неформальные и прогрессивные художники.

Интересными являются размышления Вессье о составе диссидентов. Она выделяет группу активистов – повзрослевших детей тех, кто был убит во время «чисток». К их числу относятся, например, Елена Боннэр, Лариса Богораз и Пётр Якир. К сожалению, в книге не приведено достоверной статистики, позволяющей судить о том, насколько широко этот феномен был распространен в диссидентском сообществе. Помимо этого, автор выделяет четыре поколения диссидентов. В эпоху перестройки представители самого молодого поколения стали общественными активистами, и сегодня многие из них работают в известных правозащитных центрах, таких как общество «Мемориал» или Центр Сахарова.

В заключении своей книги Сесиль Вессье ставит вопрос о природе диссидентства. Что это было – культурная, политическая или нравственная оппозиция? Можно сразу ответить, что в диссидентстве присутствуют все эти элементы. Автор

справедливо отмечает, что связь между литературной оппозицией и диссидентством была несомненной, решающей характеристикой этого общественного движения. Политические требования стали обычным явлением конца 1970-х – начала 1980-х годов. Именно тогда общественные активисты осознали, что без политической платформы диссидентские протесты и петиции останутся беспомощными. Вопросы нравственности всегда были важны для диссидентского сообщества. Власти могли сажать диссидентов в тюрьмы, но не могли преобразовать их мышление. Диссиденты знали, что власть врет, поэтому считали важным говорить правду. Слова Солженицына «жить не по лжи» благодаря Вацлаву Гавелу стали лозунгом инакомыслия во всей Европе, не только в СССР. Этот нравственный принцип, положенный советскими диссидентами в основу отношения к себе, обществу и власти, до сих пор весьма актуален. Осознания этого не хватает всем нам, в том числе и на Западе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, Людмила. 1992. *История Инакомыслия в России*. М.: Весть.
- Баткин, Леонид, ред. 1990. *Конституционные идеи Андрея Сахарова*. М.: Новелла.
- Бродский, Иосиф. 1987. «Нобелевская лекция». Стокгольм, 8 декабря.
- Даниэль, Александр. 1998. «Диссидентство – ускользающая культура». С. 111–124 в *РОССИЯ / RUSSIA*, Альманах 1(9) «Семидесятые как предмет истории русской культуры». М.: ОГИ.
- Clementi, Marco. 2007. *Storia del dissenso sovietico (1953–1991)*. Rome: Odradek.
- Courtois, Stéphane, and Rémi Kauffer. 1997. *Le Livre Noir Du Communisme: Crimes, terreur et répression*. Paris: Robert Laffont.
- Morand, Bernadette. 1978. *L'URSS des profondeurs*. Brussels: Editions Arts et Voyages.
- Ratušinskaja, Irina. 1989. *Grigio è il colore della speranza*. Milan: Rizzoli.